

УДК 930.2

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.60-72

**ПРОБЛЕМА ДЕМОНИЗАЦИИ ОБРАЗА
ЯЗЫЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ЦЕРКОВНОЙ И СВЕТСКОЙ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XII – XIV ВВ.**

В.А. Ильичев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Принятие христианства в качестве господствующей формы религиозного мировосприятия послужило основой для кардинальных изменений в области общественно-экономической, политической и духовной жизни народов Центральной и Западной Европы. Произошедшие вслед за этим преобразования в рамках традиций и быта жителей континента стали необходимым катализатором для трансформации социокультурного фона, влиявшего на историческое развитие европейского общества в IV – XII вв. В статье постулируется, что постепенный отказ от наследия политеизма стал причиной формирования абсолютно новой системы ценностей и межличностных отношений, более чем на десять веков определившей для жителей Европы развитие моделей ролевого поведения. Отмечается сложность изучения вышеописанных процессов и отсутствие больших объемов достоверной информации.

Настоящее исследование представляет собой обзор результатов научных изысканий по проблеме отражения обозначенных преобразований в культуре и искусстве Европы XII – XIV вв. Основные тенденции восприятия образа героя языческой эпохи были выделены на основе анализа текстов источников, в настоящий момент лишь частично выделенных в научно-исследовательский оборот. Обращение к английской церковной и светской хронике, ирландскому фольклору, скандинавским сагам и т. п. позволяет обеспечить комплексный подход к изучению проблемы синтеза политеистических и христианских традиций в период раннего и Высокого Средневековья.

Ключевые слова: Средневековье, Европа, политеизм, христианство, кельты, норманны, фении, берсерки, эпос, сага

Рассуждая об истоках мировой эпической литературы, а также ее исключительной роли в истории человечества, российский историк и социолог Н.И. Кареев в статье «Миф и героический эпос» обращает внимание на близкое родство сохранившихся до нашего времени текстов и результатов первобытного мифотворчества. Чтобы как можно точнее охарактеризовать процесс зарождения мифологического мировоззрения, исследователь вслед за своими предшественниками – итальянским ученым Джамбаттистой Вико, основоположником таких гуманитарных дисциплин, как философия истории и этническая психология, и немецким философом-материалистом Людвигом Фейербахом, использует термин «персонификация» или «антропоматизм». По мнению Н.И. Кареева,

непреодолимое желание человека древности найти свое место в обитаемой Вселенной подтолкнуло его к активному взаимодействию с окружающим миром. В результате длительного и тесного контактирования с объектами живой и неживой природы в первобытном обществе возникла новая духовная практика отождествления какого-либо явления с той или иной культовой фигурой. Российский исследователь отмечает, что данный механизм познания, достаточно сложный по своей сути, мог появиться стихийно или осознанно только в процессе непрерывного развития человека как социального существа [1, с. 2–7].

Появление и развитие космогонических и антропогонических мифов способствовало не только интенсивному познанию окружающей действительности. «Одушевление» и последовавшая за ним сакрализация объектов, наблюдаемых невооруженным глазом в повседневной жизни, послужила необходимой основой для формирования абсолютно новой системы ценностей, элементы которой были всецело направлены на регулирование межличностных и межгрупповых отношений внутри человеческого коллектива. Возникновение такого понятия, как «табу», и его применение в качестве одного из базовых тезисов организационной системы стало толчком к созданию устойчивого архетипа героя, олицетворявшего собой некий «социальный идеал» человека. Вследствие этого возникла особая категория мифов, структура повествования которых практически не подвергалась изменениям с течением времени.

Фактически, в эпоху господства политеизма в качестве доминирующей формы религиозного мировоззрения героический эпос являлся одним из ведущих способов ретрансляции общепринятых норм и обычаев порождающей его культуры. Яркие повествования о выдающихся личностях прошлого – правителях, воинах, законодателях, творцах и ремесленниках, наполненные как исторически достоверными, так и фантастическими деталями, из поколения в поколение передавали в иносказательной форме элементарные сведения о способах формирования всесторонне развитой личности и приобретении высокого положения в обществе. Тем самым эпическая литература могла исполнять не только познавательную, но и воспитательную функцию. Мотивы, стремления и действия как центральных, так и второстепенных персонажей мифов, легенд, саг, былин и других устных и письменных источников, сохранившихся до нашего времени, на протяжении множества веков служили людям в качестве морально-нравственного ориентира [2, с. 147].

Начавшийся в эпоху поздней античности интенсивный процесс христианизации населения и постепенного отказа от языческих обычаев и традиций послужил катализатором для формирования принципиально новой ценностно-ориентированной системы межличностных отношений, принятие которой привело к кардинальным преобразованиям в области политической, экономической и духовной жизни большей части жителей Центральной и Западной Европы. Свойственное мироощущению античного человека представление о единичности человека и окружающей его природы с течением времени уступило место идее торжества Божественного начала над бренным материальным миром. Вследствие этого понятия «герой» и «героизм» в сознании средневекового европейца стали в первую очередь отождествляться с непрерывным духовным совершенствованием и готовностью к самопожертвованию во имя веры и единоверцев.

В связи с дальнейшим расширением ареала христианства и быстрого роста популярности различных культов святых (мучеников, крестителей, чудотворцев) большинство персонажей греко-римского, кельтского и скандинавского пантеонов постепенно утрачивали свой сакральный статус. Одновременно с этим некоторые из центральных образов героического эпоса эпохи политеизма – Ахилл, Геракл, Артур, Зигфрид, Кухулин, Беовульф и др. – активно подвергались масштабным изменениям со стороны деятелей культуры и искусства либо вообще оказались забыты на долгое время.

Описанную выше ситуацию, сложившуюся в духовной жизни европейских народов в период раннего и Высокого Средневековья, российский и советский историк-медиевист, культуролог О.А. Добиаш-Рождественская связывает с падением общего уровня развития теологии, вследствие чего представления о терпимости как одной из основ христианского вероучения были заметно искажены. В работе «Культура западноевропейского Средневековья» исследователь утверждает, что с течением времени католическому клиру не удалось найти эффективных средств борьбы с сохранявшимися на протяжении многих веков приметами и суевериями. Те из них, что были указаны в сочинениях Августина Блаженного, Григория Великого и других «отцов Церкви» еще в эпоху зарождения христианства, доказали свою неэффективность в процессе крещения кельтских и германо-скандинавских народов. О.А. Добиаш-Рождественская обращает внимание читателя на то, что в некоторых раннесредневековых источниках упоминается диалог между папой Григорием I Великим и епископом Кентерберийским Августином. Римский первосвященник, обращаясь к проповеднику перед очередным походом в земли бриттов и англосаксов, советует будущему христианскому святому всяческими путями пытаться приспособить христианские обряды, традиции и празднества к старинным языческим обычаям, прочно укоренившимся в сознании кельтско-германского населения Британских островов. В своем обращении Григорий призывает «смыкать новые святилища, героев и обычаи со святилищами народной старины» [3, с. 174–175]. Однако, как показывает историческая действительность, подобная политика часто приводила к открытой конфронтации между последователями христианства и приверженцами традиционных верований, в результате чего общество оказывалось в ситуации глубокого кризиса.

Необходимо также добавить следующее: некоторые современные исследователи считают, что мнения дореволюционных и советских историков относительно преобладания исключительно отрицательного отношения средневековых европейцев к пережиткам политеизма в области религии и культуры не отражают всех реалий конкретной исторической эпохи. В качестве яркого примера удачной интеграции персонажей языческой литературной традиции в христианскую социокультурную среду можно упомянуть текст «Младшей Эдды», созданный знаменитым исландским поэтом и прозаиком Снорри Стурлусоном в 20–30-х годах XIII в. Будучи своеобразным путеводителем по скандинавской мифологической традиции, данное произведение содержит крайне интересную эвгемеристическую трактовку происхождения норманнского пантеона богов и героев в период с VIII по XI в. Автор пишет, что могучие боги-асы – в частности, Один, Тор, Локи и некоторые другие – есть не кто иные, как легендарные

вожди и завоеватели прошлого, с течением времени получившие среди коренных жителей Скандинавии статус культовых фигур. В то же время, следуя традициям христианства, Стурлусон в прологе к «Младшей Эдде» кратко пересказывает библейский миф о сотворении мира, дополняя его кратким пересказом гомеровских «Илиады» и «Одиссеи». В представлении исландского ученого мужа Один выступает одним из многочисленных потомков троянских беженцев, давшим начало первым поселениям на территории Скандинавского полуострова и острова Исландия (I, с. 9–12). Уподобляя образ владыки Асгарда фигуре Энея – легендарного предка основателей Рима, автор осознанно продолжает литературную традицию, заложенную Вергилием в «Энеиде», при этом успешно адаптируя ее к средневековым литературным канонам.

«Младшая Эдда» является не единственным случаем внедрения наследия эпохи политеизма в культурно-исторический фон Средневековья. Хрестоматийным примером подобных процессов можно считать появление и дальнейшую эволюцию образов короля Артура и рыцарей Круглого стола в исторической и художественной литературе IX – XV вв. Отрывочные сведения о легендарном кельтском правителе, сохранившиеся в ирландских и валлийских преданиях, послужили основой для целого комплекса лиро-эпических произведений. В результате активной и плодотворной работы выдающихся поэтов и писателей прошлого Артур и его сподвижники обрели черты межнационального символа и ценностного ориентира, став знаковыми фигурами для светской и религиозной литературы [4, с. 23–34].

Наивно предполагать, что трансформация образа героя эпохи политеизма и его дальнейшая адаптация к условиям европейской средневековой культуры проходила быстро и безболезненно для первоисточника. Обращаясь к сюжетам и персоналиям героического эпоса дохристианской эпохи, представители церковной и светской европейской культуры вынуждены были адаптировать их под сложившиеся исторические реалии. В результате этого образ героя мог лишиться некоторых характерных черт, превращаясь из яркой самостоятельной личности в безликий набор характеристик и качеств. Подобные изменения легко проследить на примере персонажей, наделенных какими-либо сверхъестественными способностями – в частности, тех из них, кто обладал способностью изменять внешний облик.

Знаменитый историк-антиковед А.Ф. Лосев в книге «Античная мифология в ее историческом развитии» выдвинул гипотезу о том, что ощущение тесной связи между человеком и высшими силами позволяло античным грекам и римлянам вслед за людьми первобытной эпохи рассматривать оборотничество в качестве одного из проявлений воли богов. Оборачивание играло важную роль механизма, необходимого для преодоления границ между осязаемой реальностью и потусторонним миром, в результате чего поддерживался контакт с умершими предками, духами-покровителями и т. д. Чуть позже в античном легендарии появился еще один сюжет, напрямую связанный с оборотнями. Изменение внешности стало отождествляться с наказанием, ожидающим кого-либо за невыполнение воли богов или вызов, вольно или невольно брошенный сверхъестественным силам. К плеяде подобных мифов и легенд можно отнести рассказ Плиния Старшего об олимпийском чемпионе Дамаркусе. В своем труде «Естественная

история» римский ученый, сославшись на произведения греческого историка Павсания, повествует о проклятии, постигшем известного кулачного бойца в ходе праздника, посвященного Зевсу. Случайно отведав человечины, приготовленной для подношения к алтарю олимпийского громовержца, Дамаркус был обречен в течение девяти лет носить волчью шкуру, мучаясь от нестерпимого голода и жажды крови. Вынеся тяготы проклятия, человек впоследствии обрел свой изначальный облик [5, с. 12].

По мнению антрополога Д. Пашиной, трагедия восприятия античных представлений об оборотничестве средневековыми европейцами заключается в отличном от своего изначального замысла толковании данного понятия. Перелом в восприятии смены внешнего облика произошел, очевидно, в связи с распространением и принятием большинством населения идей христианства. Аврелий Августин в труде «О граде Божьем» рассматривает переданную Плинием легенду о Зевсе и Дамаркусе в контексте свойственного языческим богам Греции и Рима коварства по отношению к людям. Для христианского мироощущения принятие чужеродной оболочки было равносильно отрицанию сотворенной Богом природы. С утратой присущей от рождения внешности человек уподоблялся ненасытному зверю, отринувшему свет учения Иисуса Христа и следующему по пути дьявольского искушения [6, с. 87–88].

Нужно отметить, что в произведениях раннего Средневековья связь смены человеком облика с вмешательством нечистой силы носила иносказательный характер и не основывалась на распространенных суевериях и предрассудках. В частности, в предисловии к одному из британских бестиариев, созданному на рубеже X – XI вв. и переведенному на современный английский язык писателем Теренсом Уайтом, говорилось о том, что природа Сатаны подобна волчьей натуре. Как ужасный лесной зверь, дьявол стремится погубить род человеческий и непрестанно взирает на христианскую паству как на стадо овец для того, чтобы напасть и погубить души тех, кто слаб в своей вере (II, р. 590). Вообще, данный трактат содержит упоминания о большом количестве самых разных животных, в том числе и легендарных. Однако никаких упоминаний об оборотнях в нем не содержится, нет их и в других подобных произведениях средневековой литературы. Исходя из этого, существует вероятность, что в данное время антропоморфные и зооморфные существа не рассматривались в качестве представителей животного мира, а различные устоявшиеся представления о них могли с уверенностью оспариваться или отвергаться учеными-физиологами. Более того, если обратиться к литературному и фольклорному наследию Восточной Европы, то можно обнаружить, что сюжеты о столкновениях человека и дикого животного, а также об оборотнях нередко истолковываются автором с положительной точки зрения. Так, среди балканских народов – в частности, у сербов – до сих пор существует поверье о том, что встреча с волком сулит счастье и удачу в будущих делах. Полоцкий князь Всеслав Брючиславич, упомянутый в тексте «Слова о полку Игореве», обладал способностью перевоплощаться в зверя и за одну ночь мог обойти свои владения, преодолевая расстояние от стольного града Киева до крепости Тмутаракань [7, с. 9–11].

Развитие таких псевдонаучных дисциплин, как оккультизм и демонология, в эпоху позднего Средневековья послужило причиной существенного расширения

ареала множества ритуальных практик, запрещенных церковью. Вследствие этого количество слухов об оборотнях и их чудовищных злодеяниях значительно увеличилось. Отечественные и зарубежные исследователи связывают этот процесс с активизацией деятельности католического клира по искоренению многочисленных суеверий, в результате чего страх перед одержимостью демонами прочно закрепился в сознании европейцев того времени. Как отмечает в своем труде «Народная культура Средневековья» советский и российский историк В.П. Даркевич, напряженная духовная жизнь Европы в этот период времени оказалась омрачена явлением демономании. Воображением людей с особой остротой завладевают сцены конца света и Страшного суда, в результате чего возникает некий первобытный страх перед загробным возмездием, что засвидетельствовано и памятниками письменности, и изобразительным искусством [8, с. 104–122].

Как уже отмечалось выше, в период Средневековья было утрачено первобытное представление о единстве людей и природы. Постепенный отказ от образа человечества как порождения абстрактной Матери-природы, хтонической Земли-Геи привел к тому, что большинство проявлений изначальной «животной» сущности человека стали рассматриваться в контексте непрестанной борьбы с происками вездесущего дьявола. Смена облика стала одним из атрибутов «князя тьмы»: в сознании европейца XI – XVI вв. его изначальная ангельская сущность была низведена до уровня зверя, вершащего свои козни из злодейских побуждений. В результате представления об античных богах, героях и других зоо- и антропоморфных существах, обладавших способностью к оборачиванию, обрели особый статус, выделившись в отдельную категорию среди множества других мифических образов.

Описанный выше процесс может послужить яркой иллюстрацией закрепления в психике европейцев неких устойчивых форм страха. Сюжеты о героях-оборотнях, «унаследованные» от античности и первобытности средневековой художественной литературой и изобразительным искусством, утратили конкретные черты и в достаточно абстрактной форме изображали опасения людей перед чем-то, что не в состоянии были объяснить служители церкви или естествоиспытатели. В легендах о вервольфах и волколаках прослеживается боязнь перед последствиями тех деяний, которые идут в разрез с христианской догматикой, моралью и устоявшимися традициями. Демонизация фигуры героя-оборотня стала логичным итогом борьбы с такими формами девиантного поведения, как неконтролируемая жестокость и чрезмерное увлечение оккультизмом. Характерным примером этих процессов может служить обращение деятелей церковной и светской культуры к образам ирландских фениев и скандинавских берсерков в период с XII по XIV в.

Изучение воинского братства фениев как уникального социокультурного феномена в истории Британских островов основывается на тех немногочисленных данных, которые сохранились до нашего времени в произведениях «Уладского цикла» и «Свода Финна Маккула». Созданные не ранее V – VI вв. н. э., эти нарративные источники содержат ценные сведения о жизни членов привилегированной части народного ополчения кельтских племен. Дополняют вышеуказанный массив текстов заметки римских историков, посвященные событиям завоевательных экспедиций на территории Британии. В ходе столкновений с автохтонным

населением Туманного Альбиона легионеры отмечали ловкость и грациозность варваров, их умение мастерски обращаться с наступательным вооружением и способность использовать нестандартные приемы рукопашного боя.

Известно, что ирландские и валлийские воины проходили сложную подготовку согласно традициям «школы боевой ловкости», которая включала в себя правила обращения с оружием, универсальную подготовку движений и длительный процесс постановки дыхания. Усвоить весь массив знаний могли далеко не все члены ирландской общины, в результате чего образ воинов-фениев в фольклоре Ирландии, Уэльса и Шотландии дополнялся новыми, порой фантастическими подробностями (III, с. 520–672). Так, например, в ритуальных практиках, принятых в кругу фианны, прочное место занимали культы диких зверей – в частности, волка. В связи с этим братство воинов часто описывалось современниками как звериная стая, члены которой время от времени занимались охотой на людей. В ходе обряда инициации неопиты надевали волчьи шкуры, делали специальную прическу и наносили на тело боевую раскраску; в остальное время их неоднократно видели взъерошенными и полностью обнаженными.

Достоверно неизвестно, что послужило причиной исчезновения фианны как одного из институтов кельтского общества. Вероятно, что с появлением первых проповедников в землях Ирландии начался процесс постепенного «умирания» традиций политеизма. Учитывая тот факт, что процесс христианизации населения острова носил достаточно мирный характер, можно предположить, что фении добровольно присоединились к сторонникам новой религии и отказались от прежнего образа жизни. Однако легенды о жестоких воинах, одетых в волчьи шкуры, по-прежнему продолжали передаваться среди членов ирландской общины из поколения в поколение – в частности, во второй половине XII в. английские церковники активно использовали этот образ в своих проповедях. На протяжении длительного времени одним из популярных сюжетов с участием разбойника-оборотня являлся рассказ о некоем Лайгнеде Файлиде, чей род в период с III по IV в. занимал трон независимой области Осрайге. Известно, что потомки этого правителя также пользовались дурной славой – ирландские крестьяне говорили, что по ночам они принимали облик ужасного зверя и устраивали бесчинства, нападая на домашний скот и пугая случайных прохожих [9, р. 27–34].

Современные исследователи выделяют в качестве наиболее известной вариации сказания об оборотнях Осрайге случай, описанный в конце XII в. английским архидиаконом Гиральдом Камбрийским. Ссылаясь на сведения из поэмы «О чудесах Ирландии» епископа Патрика Дублинского, священник повествует о встрече бродячего богомольца с вервольфом (IV, р. 79–84). Человек, одетый в звериную шкуру, пообещал путнику, что не станет вредить ему, но взамен попросил совершить обряды причащения и соборования над его умирающей супругой, также страдавшей от ликантропии. Оборотень рассказал, что это проклятие было когда-то наложено на его род местным святым Наталием в наказание за чрезмерную жестокость и алчность. Несмотря на опасения, странствующий монах сумел выполнить необычную просьбу – в награду за это человек в волчьей шкуре отвел его в старое семейное святилище, где длительное

время пророчествовал о недалеком будущем, которое ожидало земли, бывшие когда-то собственностью великих кельтских воинов.

Зарубежные историки и культурологи признают значимость данной легенды как уникального памятника устной и письменной традиции. Содержание источника говорит о том, что фигура одного из последних потомков короля Лайгнеда не носит сугубо отрицательного характера – несмотря на присутствие демонических черт, оборотень изображен смиренным и готовым к сотрудничеству; он не пытается навредить богомольцу, а наоборот, оказывает ему всяческую поддержку. Британский историк-искусствовед Кэтрин Карков в одной из своих статей пишет о том, что Гиральд Камбрийский сумел в символической форме отобразить процесс приобщения ирландцев к христианским ценностям [10, р. 97–99]. Умиравшая женщина-оборотень и ее супруг вполне могли служить олицетворением целого народа, дикого и необузданного по своей природе; посмертное же принятие учения Иисуса иллюстрирует окончательный разрыв с сохранявшимися языческими традициями и обрядами, которые активно осуждались британским католическим клиром в период раннего и Высокого Средневековья. Интересен тот факт, что мотивы легенды о семействе оборотней из Осрайге нашли отражение в изобразительном искусстве Англии и Ирландии рубежа XII – XIII вв. В этот период местными художниками было создано несколько иллюстраций к рукописным изданиям труда Гиральда Камбрийского – чаще всего на них изображалась сцена, в которой священник причащает человека в обличье зверя и его умирающую спутницу.

На примере легенды об оборотнях из Осрайге и ее многочисленных интерпретаций можно рассмотреть те изменения, которые произошли в сознании средневековых ирландцев в отношении членов фианны. Так, если в III – VI вв. воины в обличье зверя занимали почетное место среди национальных героев, то к моменту утверждения католицизма в Ирландии человек, поклонявшийся зверю, вызывал у соплеменников первобытный страх. Данные выводы позволяют говорить о схожести фениев с еще одним культурно-историческим феноменом в истории европейского средневековья, а именно с берсерками Скандинавии.

История боевого братства служителей культа верховного бога германоскандинавского пантеона Одина как социального института берет свое начало в VI – VII вв. С появлением первых государств на территории Северной Европы «воины в звериных шкурах» могли оказывать непосредственное влияние на ход многих исторических событий. В частности, об этом свидетельствует описание битвы при Хафсфьорде, составленное Торбьорном Хорнклови – придворным скальдом короля Харальда I Инглинга. Яростная атака, проведенная в начале сражения небольшим отрядом берсерков, предопределила удачный исход встречи с войсками независимых крупных землевладельцев для дружины будущего правителя объединенной Норвегии (V, с. 9).

В настоящее время центральной проблемой изучения берсерков как уникального явления в жизни континентальной Европы остается происхождение знаменитой «звериной ярости», являющейся отличительной чертой военного искусства норманнов. Современная историческая наука по-прежнему располагает недостаточным количеством свидетельств, способных пролить свет на тайну обретения служителями культа Одина способности впадать в неистовство на поле

боя. Множество гипотез и предположений, высказываемых время от времени представителями различных научно-исследовательских практик, сводятся к тому, что состояние транса, при котором человек начинает отождествлять себя со зверем, обладающим невероятной силой, являлось следствием наркотического опьянения, наследственного психического заболевания или специальной подготовки [11, с. 278-279].

Используя отрывочные данные, представленные в сохранившихся стихотворных и прозаических произведениях XIII – XIV вв., можно предположить, что на момент становления первых государств на территории Северной Европы берсерки могли входить в круг лиц, наиболее близких к правителям. Время от времени при анализе письменных источников VIII – XI вв. встречаются упоминания об особом статусе воинов, носивших медвежьи шкуры, перед лицом остальной дружины, служившей основой для набора ополчения и выполнявшей в мирное время функции охраны правопорядка. Сочетание физической силы, уникальных боевых навыков, огромного опыта и личностных качеств позволяло «воинам-медведям» входить в круг доверенных лиц ярлов и конунгов и выполнять поручения различной степени сложности – от подавления внутренних волнений до дипломатических переговоров [12, с. 52–53].

Длительный процесс христианизации жителей Скандинавского полуострова послужил одной из причин исчезновения берсеркерата как отличительной черты норманнского общества. Завершение эпохи переселения и постепенный отказ от грабительских набегов как основного источника доходов вынудил викингов обратиться к новым способам ведения хозяйства, что привело к формированию совершенно иной системы этико-правовых отношений. Вне завоевательных походов и жестоких сражений перед берсерками остро стояла проблема социализации. Постоянная жажда битвы, склонность к неконтролируемой агрессии и, как следствие, неспособность к мирному сосуществованию предопределили судьбу берсерков – в конечном итоге, конфликт между воинской элитой, выступавшей за сохранение традиционных верований, и остальными членами общины перерос в открытое противостояние.

В 1012 г. норвежский ярл Эйрик Хаконссон объявил «воинов-медведей» вне закона, предоставив тем самым местному населению возможность безнаказанно уничтожать всех, кто имел дело к отправлению звериных культов [13, с. 78–79]. Текст «Саги о Ватисдале» повествует о том, что с прибытием в Исландию епископа Фридерика истребление язычников приобрело катастрофические масштабы. Своеобразным итогом массовых репрессий стал указ, принятый на альтинге в 1123 г. Согласно содержанию акта, человек, замеченный в состоянии «звериной ярости», должен был быть закован в железные цепи при свидетелях и выслан с территории острова на три года [14, с. 468]. Возможно, кто-либо из членов разгромленного боевого братства смог влиться в новую жизнь, обратившись к торговле, промыслу и земледелию, дабы обеспечить себя и свою семью. Остальные же, опасаясь физической расправы, были вынуждены искать спасения в других странах, чаще всего становясь наемниками.

К началу XIII в. образ берсерков в скальдической поэзии претерпел радикальные изменения – из непобедимых героев, жертвовавших собственной жизнью ради чести, славы и богатства, они превратились в безжалостных убийц

и грабителей. В песнях исландских и норвежских поэтов сохранились сведения о том, что берсерки, утратившие свои привилегии и полномочия перед лицом правителей, становились зачинщиками бунтов, организаторами грабежей местного населения и инициаторами захватнических походов, проводившихся на территории Западной и Восточной Европы. В связи с этим в умах жителей Скандинавского полуострова понятие «берсерк» стало отождествляться с жестоким угнетателем, убийцей, грабителем и насильником.

Вопиющей несправедливостью казалось то, что некогда славные воины принуждали достойных поселенцев к нечестным поединкам, покушаясь на их жизнь и имущество. Сюжеты кровавых преступлений против чужой свободы и собственности, можно обнаружить в содержании множества текстов, созданных в период с XII по XIV в. В сюжете «Саги об Эгиле» можно обнаружить яркое противопоставление двух образов берсерков. В то время как богатый и уважаемый землевладелец Ульв отказался от бесчисленных сражений и пытается бороться с «внутренним зверем», его внук Эгиль наслаждается собственной одержимостью, приобретая славу возмутителя спокойствия (VI, с. 61). Разбойник по имени Бьерн Бледный бросает вызов старшему брату главного героя «Саги о Гисли» в надежде на то, что тот отдаст воину в звериной шкуре свою супругу Ингигерд в качестве наложницы (VII, с. 23–24). Текст «Саги о Греттире» содержит краткое изложение борьбы ярла Эйрика с произволом берсерков. Слухи о совершенных наемниками Эгмундом Злым и Ториром Брюхо преступлениях вынуждают правителя запретить ритуальные поединки – «хольмганги» – на всей территории Норвегии (VIII, с. 32–33). Действия «воинов-медведей» с течением времени дополнялись ужасающими подробностями, вследствие чего образ воина-разорителя утвердился в скандинавской книжной традиции на несколько столетий.

Подводя итог, можно сказать, что информация, полученная в результате анализа лиро-эпических произведений, созданных в период раннего и Высокого Средневековья, позволяет исследователям подробно изучить процессы восприятия европейцами образа героя, распространенного в эпоху господства политеизма, и его последующей трансформации в текстах, вышедших из-под пера церковных и светских литераторов. Значительные изменения, произошедшие в общественно-политической, экономической и духовной жизни народов Европы привели к кардинальной смене морально-ценностных ориентиров. Идеи всеобщего «братства во Христе» и смирения плоти перед духом, активно пропагандируемые деятелями культуры, послужили основанием для отторжения языческих идеалов героизма. Исчезновение таких уникальных культурно-исторических феноменов, как боевое братство фениев в Ирландии и берсерков в Скандинавии, иллюстрирует страх средневековых европейцев перед проявлением сверхъестественных сил, в эпоху политеизма выполнявших важнейшую функцию связующего элемента между всеми членами как внутри кельтской, так и внутри германо-скандинавской общин. Таким образом, изучение феномена демонизации образа языческого героя в литературе XII – XIV вв. играет важную роль в исследовании механизмов взаимодействия между различными слоями общества в социокультурном контексте обозначенной эпохи.

Источники

- I – *Снорри Стурлусон*. Младшая Эдда / Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. – СПб.: Наука, 2006. – 137 с.
- II – *The Bestiary. A Book of Beasts*. Ed. by T.H. White. – N.Y.: Putnam, 1960. – 296 p.
- III – Кельтские мифы / Пер. Л. Володарской; отв. ред. Е. Назарова. – М.: Эксмо, 2018. – 672 с.
- IV – *Giraldus Cambrensis. The Topography of Ireland* / Trans. by T. Forester, with add. by T. Wright. – London: George Bell & Sons, 1905. – 164 p.
- V – Поэзия скальдов / Под ред. М. И. Стеблина-Каменского. – Л.: Наука, 1979. – 180 с.
- VI – *Снорри Стурлусон*. Сага об Эгиле Скаллагрмиссоне // Исландские саги. – М.: ГИХЛ, 1956. – С. 61–251
- VII – Сага о Гисли // Исландские саги. Ирландский эпос. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 23–80.
- VIII – Сага о Греттире / Пер. с древнеисл. О.А. Смирницкой; под ред. М.И. Стеблина-Каменского. – М.: Наука, 1976. – 176 с.

Литература

1. *Кареев Н.И.* Миф и героический эпос // Филол. записки. – 1872. – Вып. 6. – С. 2–25.
2. *Кокуев А.Н.* Образ идеального героя в героическом эпосе Месопотамии и германской культуры. Опыт сравнительного анализа // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2009. – № 2. – С. 147–150.
3. *Добиаши-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского Средневековья. – М.: Наука, 1987. – 345 с.
4. *Ле Гофф Ж.* Герои и чудеса средних веков / Пер. с франц. Д. Савосина. — М.: Текст, 2012. — 224 с.
5. *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. – М.: ГУПИ Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 620 с.
6. *Пашинина Д.* Оборотничество и оборачивание // Филос.-лит. журн. «Логос». – 1999. – № 9. – С. 83–93.
7. *Леонова В.В.* Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве»: авторские интенции и мифологический контекст // Вестн. РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 7–16.
8. *Даркевич В.П.* Народная культура Средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв. – М.: Наука, 1988. – 344 с.
9. *Sconduto L.A.* Metamorphoses of the Werewolf: A Literary Study from Antiquity through the Renaissance. – Jefferson, NC: McFarland & Co., 2008. – 220 p.
10. *Karkov C.E.* Tales of the ancients: Colonial werewolves and the mapping of post-colonial Ireland // Ingham P.C., Warren M.R. (Eds.) Postcolonial Moves: Medieval through Modern. – N. Y. Palgrave Macmillan, 2003. – P. 93–109.
11. Измененные состояния сознания и культура. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
12. Военно-исторический словарь. – М.: АСТ, 2005. – 992 с.
13. *Шкурлатов Р.* Берсерки: неистовый «спецназ» викингов // Воен.-патриот. журн «Братишка». – 2007. – № 10. – С. 76–79.

14. Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов / Пер с англ., фр. и древнеисл. И. Свердлова. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 912 с.

Поступила в редакцию
26.12.18

Ильичев Владимир Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: vlad.panoptikum92@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 60–72

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.60-72

**The Problem of Demonizing the Image of a Pagan Hero
in the Church and Secret Literature of the 12th–14th Centuries**

V.A. Ilchev

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: vlad.panoptikum92@yandex.ru

Received December 26, 2018

Abstract

The adoption of Christianity as the dominant form of the religious world perception was the basis for fundamental changes in the field of socioeconomic, political, and spiritual life of the peoples of Central and Western Europe. This study is a reflection of the results of the scientific research on the problem of how the indicated transformations are conveyed in the culture and art of the period from the 12th to 14th centuries. The main tendencies of European perception of the hero image during the pagan era were singled out on the basis of the materials obtained during the analysis of texts from such sources as English church chronicles, Irish folklore, Scandinavian sagas, and other works of scaldic poetry. A wide range of general scientific and specialized methods and techniques necessary for the analysis of archaeological data were used.

The scientific relevance and novelty of the study lies in the fact that it represents an attempt to carry out a comprehensive analysis of the selected sources on the history of the German-Scandinavian peoples in the early and high Middle Ages. At the moment, an increased attention to the culture and life of the peoples of Northern Europe in the Middle Ages has taken place, both among humanitarian professionals and among non-specialists. In this regard, this work has a certain theoretical and practical significance for representatives of various humanitarian scientific disciplines – history, sociology, anthropology, religious studies, etc., as well as representatives of those research practices whose activities are directly or indirectly related to the study sociocultural background of the European Middle Ages.

Keywords: Middle Ages, Europe, polytheism, Christianization, Celts, Normans, Fenians, Berserkers, Epos, Saga

References

1. Kareev N.I. Myth and heroic epos. *Filologicheskie Zapiski*, 1872, no. 6, pp. 2–25. (In Russian)
2. Kokuev A.N. An image of ideal hero in the heroic epos of Mesopotamia and German culture. Comparative analysis. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*, 2009, no. 2, pp. 147–150. (In Russian)

3. Dobiash-Rozhdestvenskaya O.A. *Kul'tura zapadnoevropeiskogo Srednevekov'ya* [The Culture of Western European Middle Ages]. Moscow, Nauka, 1987. 345 p. (In Russian)
4. Le Goff J. *Geroi i chudesa srednikh vekov* [Heroes and Miracles of Middle Ages]. Moscow, Tekst, 2012. 224 p. (In Russian)
5. Losev A.F. *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii* [Ancient Mythology in Its Historical Development]. Moscow, Min. Prosveshch. RSFSR, 1957. 620 p. (In Russian)
6. Pashinina D. Werewolf and resolving into it. *Logos*, 1999, no. 9, pp. 83–93. (In Russian)
7. Leonova V.V. Vseslav of Polotsk in “The Lay of Igor’s Campaign”: Authoral intention and mythological context. *Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2015, no. 4, pp. 7–16. (In Russian)
8. Darkevich V.P. *Narodnaya kul'tura Srednevekov'ya: svetskaya prazdnichnaya zhizn' v iskusstve IX–XVI vv.* [Folk Culture of the Middle Ages: Life during Secular Holidays in the Art of the 9th–16th Centuries]. Moscow, Nauka, 1988. 344 p. (In Russian)
9. Scoduto L.A. *Metamorphoses of the Werewolf: A Literary Study from Antiquity through the Renaissance*. Jefferson, NC, McFarland & Co., 2008. 220 p.
10. Karkov C.E. Tales of the ancients: Colonial werewolves and the mapping of post-colonial Ireland. In: Ingham P.C., Warren M.R. (Eds.) *Postcolonial Moves: Medieval through Modern*. New York, Palgrave Macmillan, 2003, pp. 93–109.
11. *Izmenennye sostoyaniya soznaniya i kul'tura* [Altered States of Consciousness and Culture]. St. Petersburg, Piter, 2009. 336 p. (In Russian)
12. *Voенно-istoricheskii slovar'* [Military Historical Dictionary]. Moscow, AST, 2005. 992 p. (In Russian)
13. Shkurlatov R. Berserkers: Frantic special forces of vikings. *Bratishka*, 2007, no. 10, pp. 76–79. (In Russian)
14. Byock J.L. *Islandiya epokhi vikingov* [Island in the Epoch of Vikings]. Moscow, Astrel', CORPUS, 2012. 912 p. (In Russian)

Для цитирования: Ильичев В.А. Проблема демонизации образа языческого героя в церковной и светской европейской литературе XII – XIV вв. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 60–72. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.60-72.

For citation: Ilichev V.A. The problem of demonizing the image of a pagan hero in the church and secret literature of the 12th–14th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 60–72. doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.60-72. (In Russian)